

Предисловие «Полки»

*В своих поэмах Пушкин проходит путь
от волшебной сказки и романтических
подражаний Байрону до создания собственной —
и, значит, отчасти общей — исторической
концепции и мифологии.*

Валерий Шубинский

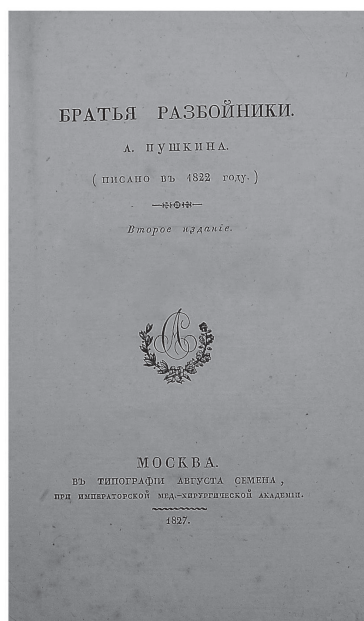
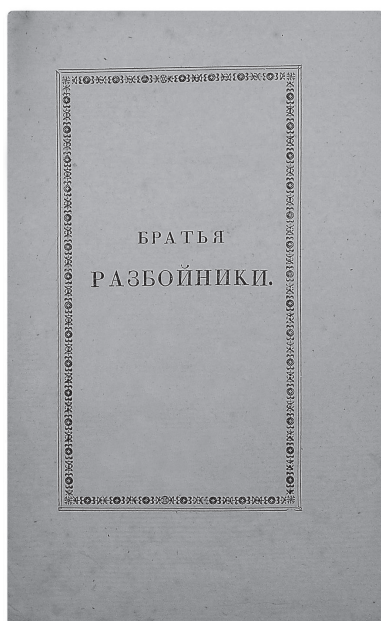
О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Поэмы Пушкина — целая энциклопедия романтических мотивов и образов. Здесь есть место и лукавой, занимательной сказке («Руслан и Людмила»), и эффектным приключениям в экзотических для жителя Средней России местах (горном Кавказе и татарском Крыму), и трагической самореализации гордой, необузданной личности («Цыганы»), и историческому эпосу, в котором судьбы и страсти отдельных людей сложно накладываются на судьбы народов («Полтава»), и жесткому столкновению великих замыслов и свершений с судьбами частного, «маленького», лишённого амбиций человека («Медный

всадник»), и метафизическому спору доброго и злого начал («Сцена из Фауста»). В то же время здесь присутствует и бытовой, приземленный, житейский уровень бытия и связанных с ним человеческих отношений («Граф Нулин» и «Домик в Коломне»), становящийся объектом романтической иронии.

КОГДА НАПИСАНЫ ЭТИ ПОЭМЫ?

Поэмы создавались на протяжении многих лет. Поэма «Руслан и Людмила», как считается сейчас, написана в 1818–1820 годах (раньше начало работы над поэмой относили к 1817 году).

Первое издание поэмы «Братья разбойники». 1827 год

«Кавказский пленник» начат в августе 1820-го в Гурзуфе (Крым), окончен 20 февраля 1821 года в Каменке (имение будущего декабриста Василия Давыдова). «Бахчисарайский фонтан» начат весной 1821-го и завершен осенью 1823 года (основная работа над поэмой приходится на 1822 год). «Братья разбойники» — сохранившаяся часть большой поэмы «Разбойники», над которой Пушкин работал в июле–апреле 1822 года. «Цыганы» написаны в апреле–октябре 1824 года в Одессе и затем в Михайловском. «Сцена из Фауста» датируется 1825 годом, «Граф Нулин» создан 13–14 декабря того же года. «Полтава» написана в 1828 году. «Домик в Коломне» — один из плодов «Болдинской осени» (поэма завершена 10 октября 1830 года). Наконец, «Медный всадник» создан там же, в Болдине, 6–31 октября 1833 года.

КАК ОНИ НАПИСАНЫ?

Как автор поэм Пушкин проходит долгий путь и претерпевает сложную эволюцию. В «Руслане и Людмиле» он следует традиции «сказочной поэмы», уходящей корнями в эпоху Ренессанса, и в то же время ведет сложную литературную игру, перелицовывая и иногда пародируя лирические и лироэпические произведения поэтов-современников. Начиная с «Кавказского пленника» он идет по пути Байрона, создавая совершенно новый для русской поэзии тип поэмы: с быстрой сменой

поражающих воображение картин, хронологическими скачками, пропущенными сюжетными звеньями. В «Полтаве» действие развивается в двух планах: отношения Марии и Мазепы и грандиозные исторические события, в ходе которых Мазепа оказывается врагом Петра. Это обуславливает еще большую сложность сюжетного построения. В «Медном всаднике» общая картина наводнения и частная история Евгения также разворачиваются одновременно и параллельно, и внимание автора постоянно переключается. В то же время от типичной постбайроновской романтической поэмы «Медного всадника» отличает подчеркнутая «ничтожность» героя, внешняя прозаичность его биографии, наконец, «полифоничность» структуры. Не только герой со своей бедой время от времени теряется на фоне картин общего несчастья, но и голос автора исчезает среди «чужих слов». Именно потому Пушкин использует «прозаическое» жанровое определение («повесть»), сближающее поэму с такими произведениями 1830-х годов, как «Сирота» Вильгельма Кюхельбекера или «Тамбовская казначейша» Лермонтова. В еще большей степени связаны с этой линией, точнее, предвещают ее «Граф Нулин» и «Домик в Коломне», опирающиеся на опыт шуточной поэмы XVIII века. Наконец, «Сцена из Фауста» — мини-пьеса, отсылающая нас к «Фаусту» Гёте (хотя сама сцена никаких соответствий у Гёте не имеет).

Все поэмы Пушкина, кроме «Домика в Коломне» и не включенных в настоящее

издание «Гавриилиады» и «Анджело», написаны четырехстопным ямбом. В «Домике в Коломне» пятистопный ямб сочетается с октавой — стиховой формой, которая отсылает (через «Дон-Жуана» Байрона) к героическим поэмам эпохи Ренессанса — «Неистовому Роланду» Ариосто и «Освобожденному Иерусалиму» Тассо — и при этом травестируется «пустяковым» сюжетом.

ЧТО ПОВЛИЯЛО НА ПУШКИНСКИЕ ПОЭМЫ?

Круг влияний у каждой из поэм свой. Как считается, образцом для «Руслана и Людмилы» послужила поэма Лудовико Ариосто (1474–1533) «Неистовый Роланд», которую Пушкин знал в прозаическом французском переводе. На стилистику поэмы повлияла «Орлеанская девственница» (1755) Вольтера. Отмечается влияние русских «сказочных» поэм XVIII века («Бахариана» Михаила Хераскова, «Душенька» Ипполита Богдановича, «Добрыня» Николая Львова, «Алеша Попович» и «Чурило Пленкович» Николая Радищева, «Илья Муромец» Николая Карамзина). Пушкин также вступает в сложный диалог со своими ближайшими предшественниками — Василием Жуковским и Константином Батюшковым; в частности, он пародирует (в истории Ратмира) «старинную повесть в двух балладах» Жуковского «Двенадцать спящих дев» (1810–1817).

Джордж Гордон Байрон

Несомненно, в числе источников поэмы были русские лубочные повести («Еруслан Лазаревич»). Наконец, важным толчком к написанию поэмы стало чтение «Истории государства Российского» Карамзина. Оттуда заимствованы имена Рогдая, Ратмира и Фарлафа, описание пира князя Владимира.

«Кавказский пленник» — первый в России образец «байронической поэмы». На него повлияли прежде всего «Гяур», «Паломничество Чайльд-Гарольда» и «Корсар». Эти поэмы Байрона Пушкин (еще слабо владевший в 1820 году английским языком) читал в основном в прозаическом французском переводе. При этом пушкинист Олег Проскурин отмечает, что замысел поэмы

возник у Пушкина до знакомства с творчеством Байрона, и указывает на русские источники («Бедную Лизу» Карамзина) и на рассказы, которые Пушкин мог слышать во время путешествия на Кавказ в 1820 году. Сам Пушкин в примечании цитирует оду Державина «На возвращение графа Зубова из Персии» (1797) и стихотворение Жуковского «А. Ф. Воейкову» (1814), вводящие в русскую поэзию тему и образы Кавказа.

В «Братьях разбойниках» современники видели влияние «Шильонского узника» (1816) Байрона, перевод которого, выполненный Жуковским, появился в том же 1822 году. Сам Пушкин в письме к Петру Вяземскому указывает на реальный источник поэмы: «Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на острове, потопление одного из стражей мной не выдуман».

На «Бахчисарайский фонтан», кроме Байрона, повлияли ориентальные мотивы романтической поэзии («Лалла-Рук» Томаса Мура) и многочисленные исторические и описательные сочинения, посвященные Крыму, — «История Тавриды» Станислава Сестринцевича-Богуща, сочинения Габриэля де Кастельно, Павла Сумарокова, Ивана Муравьева-Апостола. Большой интерес у Пушкина вызвала поэма не понятого и осмеянного современниками Семена

Боброва «Херсонида» (в первой редакции «Таврида»; 1798–1804).

На «Цыган» оказало влияние чтение Шекспира (что выразилось в «драматургической» структуре поэмы); кроме того, поэма отразила влияние идей Жан-Жака Руссо. Личное знакомство Пушкина с жизнью бессарабских цыган (несмотря на легенду о долгом пребывании его в таборе) было, видимо, поверхностным.

На «Графа Нулина» повлияла поэма Байрона «Беппо» (1817–1818), хотя сюжеты во многом зеркальны: у Байрона многолетняя измена не влечет никаких последствий; у Пушкина измены в конечном счете не происходит, но сами посягательства графа вызывают скандал; притом автор явно намекает на особые отношения Натальи Павловны с соседом Лидиным. Филолог Наталья Вершинина указывает также на связь сюжета поэмы с эпизодом «Орлеанской девственницы» Вольтера, когда Жанна дает одному из посягающих на ее честь мужчин оплеуху.

В «Сцене из Фауста» отразилось, естественно, влияние первой части «Фауста», знакомой Пушкину во французском переводе.

В «Полтаве» Пушкин соединяет байронизм с унаследованными от XVIII века традициями поэмы-эпопеи. Толчком к написанию поэмы и предметом полемики стала поэма Кондратия Рылеева «Войнаровский» (1824), которую Пушкин, в отличие от большинства других произведений Рылеева, высоко оценил. Внимание Пушкина привлекла и дума

Рылеева «Петр Великий в Острогожске» (1823), герои которой — Петр и Мазепа. В то же время Пушкин держит в уме поэму Байрона «Мазепа» (1818), отражающую легендарный эпизод из молодости гетмана. Вопрос об исторических источниках «Полтавы» был в 1939 году освещен в статье Н.В. Измайлова. Исследователь указывает на «Историю казаков» (1814) Шарля-Луи Лезюра, на сочинения Ивана Голикова, Дмитрия Бантыш-Каменского, Феофана Прокоповича, Вольтера и других.

В «Домике в Коломне», кроме уже упомянутой поэмы «Беппо», очевидно (в том числе в строфике) влияние «Дон Жуана» Байрона.

В «Медном всаднике» отразился, во-первых, весь корпус ранее написанных русских поэтических текстов, посвященных Петербургу, начиная с Ломоносова и Тредиаковского и кончая Вяземским и Степаном Шевырёвым; во-вторых, эссе Константина Батюшкова «Прогулка в Академию художеств» (1814), в котором впервые возникает мотив «строного, стройного вида» Петербурга, каким он предстает в эпоху александровского ампира. В поэме есть прямые ссылки на «Письма о России» (1739) итальянского писателя Франческо Альгаротти. Наконец, Пушкин ведет прямой диалог со своим другом, соперником и (в 1830-е годы) идейным противником — Адамом Мицкевичем, с его стихотворениями «Памятник Петру Великому» и «Олешкевич». Кроме того,

Степан Земликов. Портрет гетмана Ивана Мазепы (предположительно). XIX век

существует версия философа и филолога Михаила Эпштейна о параллелях между «Медным всадником» и опубликованной в 1832-м второй частью «Фауста», написанной тоже отчасти под впечатлением от петербургского наводнения.

КАК ОНИ БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ?

Поэма «Руслан и Людмила» сначала публиковалась в отрывках: фрагмент первой песни в журнале «Невский зритель» (1820. Ч. I) и отрывок из третьей песни в журнале «Сын отечества» (1820. Ч. 61. №XV–XVI). Отдельное издание

вышло в мае 1820-го, как раз во время ссылки Пушкина на юг. Для нового издания в 1828 году поэма была существенно переработана: добавлено знаменитое вступление («У Лукоморья дуб зеленый...»), изъят ряд фрагментов, в основном эротического характера.

«Кавказский пленник» вышел в августе 1822 года. «Братья разбойники» опубликованы в альманахе «Полярная звезда» и вышли отдельным изданием в июне 1827 года. «Бахчисарайский фонтан» вышел из печати в Петербурге 10 марта 1824 года с предисловием Вяземского («Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова») и с приложением «Выписки из путешествия по Тавриде И.М. Муравьева-Апостола».

«Цыганы» в отрывках опубликованы в альманахах «Полярная звезда» на 1825 год и «Северные цветы» на 1826 год, отдельное же издание вышло в 1827-м.

«Граф Нулин» опубликован в 1828-м под одной обложкой с поэмой Баратынского «Бал», под названием «Две повести в стихах».

«Сцена из Фауста» напечатана в журнале «Московский вестник» (1828. №8) под названием «Новая сцена из Фауста».

«Полтава» вышла в 1829 году.

«Домик в Коломне» напечатан в 1833 году в альманахе «Новоселье» с ошибочной датировкой 1829 годом.

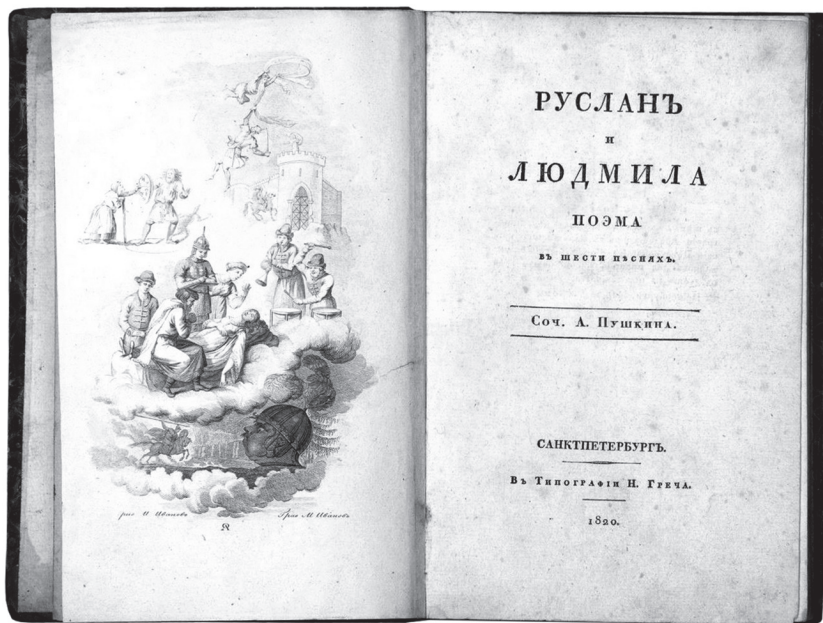
«Медный всадник» цензурировался (как и ряд других произведений

Пушкина) лично Николаем I. Так как Пушкин не согласился с его замечаниями, публикация поэмы была отложена, и лишь вступление (с изъятиями ряда строк) было напечатано в 12-м номере журнала «Библиотека для чтения» за 1834 год. В 1836-м Пушкин вернулся к тексту поэмы и попытался его переработать. Текст, радикально отредактированный Жуковским в соответствии с требованиями царя, был посмертно напечатан в «Современнике» (1837. Т. V). При этом из поэмы исчезла кульминационная сцена: вызов, брошенный Евгением Петру. Аутентичный текст опубликован в 1904 году, однако его текстологическое уточнение (с учетом прижизненных рукописных вариантов) продолжалось до 1949-го, когда был сформирован канонический вариант.

КАК ПРИНИМАЛИ ПУШКИНСКИЕ ПОЭМЫ?

Количество отзывов на поэмы Пушкина огромно.

Бурная полемика развернулась уже из-за «Руслана и Людмилы». Критик под псевдонимом Житель Бутырской слободы (Андрей Глаголев) подверг поэму резкой критике за заимствования из фольклора и «простонародность» уже после журнальных публикаций¹: «Если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке,

Первое издание поэмы «Руслан и Людмила». 1820 год

в лаптях и закричал бы зычным голосом: “Здорово, ребята!” — неужели бы стали таким проказником любоваться?» Эта статья вызвала полемические отзывы. Александр Воейков (за подписью «В») напечатал в «Сыне отечества» «Разбор поэмы “Руслан и Людмила”». Выводы критика таковы:

Поэма «Руслан и Людмила» есть новое, прекрасное явление в нашей словесности. В ней находим совершенство слога, правильность чертежа, занимательность эпизодов, приличный выбор чудесного и выдержанные от начала до конца характеры существ сверхъестественных, разнообразность и ровность в характерах

действующих героев и выдержанность каждого из них в особенности. <...> Окончив литературные наши замечания, с сожалением скажем о злоупотреблении столь отличного дарования, и это не в осуждение, а в предосторожность молодому автору на будущее время... Он беспрестанно томится какими-то желаниями, сладострастными мечтами, во сне и наяву ласкает младые прелести дев; вкушает восторги и проч. Какое несправедливое понятие составят себе наши потомки, если по нескольким грубым картинам, между прелестными картинами расставленным, вздумают судить об испорченности вкуса нашего в XIX столетии!²

Упреки в «простонародности» и в злоупотреблении «сладострастными картинами» высказаны и в анонимной статье «Замечания на поэму “Руслан и Людмила”»³. Воейкову отвечал, заступаясь за Пушкина, П. К-в (Алексей Перовский, более известный под псевдонимом Антоний Погорельский)⁴; его статья, в свою очередь, вызвала полемические отклики Д.Л. Зыкова и М.С. Кайсарова. Полемика продолжалась и в следующем году. Так, Валериан Олин в статье «Мои мысли о романтической поэме г. Пушкина “Руслан и Людмила”»⁵ пишет: «Существенное достоинство поэмы г. Пушкина, по мнению моему, заключается в прелести поэзии; существенный недостаток оной нахожу в бедности интересов». Обсуждение поэмы шло и в частной переписке. Иван Дмитриев отзывался о ней скептически в письмах к Петру Вяземскому и Николаю Карамзину: «Недоносок пригожего отца и прекрасной матери»; «Я тут не вижу ни мыслей, ни чувств: вижу одну чувственность». Карамзин в ответном письме проявил большую снисходительность: «В ней есть живость, легкость, остроумие, вкус; только нет искусного расположения частей, нет или мало интереса; все смétано на живую нитку».

Более единодушна была критика в оценке «Кавказского пленника». Восторженный характер носила рецензия Василия Козлова: «Мудрено решить, чему отдать преимущество в сем новом произведении молодого поэта: описательной ли части оного, где все истинно, все

живописно и прелестно; или — повествовательной, в которой — говоря собственными его выражениями — “противоречия страстей, знакомые сердцу мечты и страдания” изображены столь совершенно и трогательно?»⁶ На поэму отозвались друзья Пушкина — Петр Плетнев⁷ и Петр Вяземский⁸, для которых «Кавказский пленник» стал образцом нового, романтического искусства. Более сдержанный, но также благожелательный характер носила рецензия Михаила Погодина⁹.

«Бахчисарайский фонтан» был напечатан с предисловием-манифестом Вяземского, которое вызвало бурную дискуссию с Михаилом Дмитриевым на страницах «Вестника Европы» и «Дамского журнала». Валериан Олин в «Русском инвалиде» отметил, с одной стороны, «прекрасный слог» Пушкина, с другой — «недостатки в плане» и неясные психологические характеристики действующих лиц. В полемику с Олиным вступил, заступившись за Пушкина, его будущий злейший враг Фаддей Булгарин. Панегирический характер носили рецензия Матвея Карниолина-Пинского¹⁰ и статья Александра Воейкова «О поэмах Пушкина и в особенности о “Бахчисарайском фонтане”»¹¹. Напротив, Борис Федоров в статье «Письма в Тамбов о новостях русской словесности. Письмо 1», похвалив «описательную» часть поэмы, с классицистских позиций осудил ее «повествовательную» часть¹². Об успехе поэмы свидетельствует то, что в течение 1825–1826 годов она

была переведена на немецкий, французский и польский языки.

«Цыганы», несмотря на восторженные отзывы в частных письмах (Александра Тургенева, Вяземского, Рылеева), вызвали меньше рецензий в печати. Вяземский в своей рецензии пишет: «В поэме “Цыганы” узнаём творца “Кавказского пленника”, “Бахчисарайского фонтана”, но видим уже мужа в чертах, некогда образовавших юношу. Видим в авторе более зрелости, более силы, свободы, развязности и, к утешению нашему, видим еще залог новых сил, сочной зрелости и полнейшего развития свободы»¹³. В то же время он (подчеркивая «отсутствие подражания») по-прежнему видит в Пушкине байрониста, отмечает связь «Цыган» с «Гяуром». В том же духе рассматривают поэму анонимные рецензенты «Северной пчелы».

Более сложен отзыв Степана Шевырёва: «В сем произведении заметна какая-то странная борьба между идеальностью байроновскою и живописною народностью поэта русского. Черты лиц также набросаны темно; но окружающие предметы блещут яркостью разнообразных красок. Сия борьба причиняет какое-то разногласие и неполноту в целом произведении, которое потому остается не совсем понятно для иных читателей»¹⁴. Иван Киреевский в статье «Нечто о характере поэмы Пушкина», отдавая должное красоте и выразительности стиха поэмы, скептически оценивает ее психологическую и этнографическую

достоверность: «Либо цыганы не знают вечной, исключительной привязанности, либо они ревнуют непостоянных жен своих, и тогда месть и другие страсти также должны быть им не чужды; тогда Алеко не может уже казаться им странным и непонятным; тогда весь быт европейцев отличается от них только годами образованности; тогда, вместо золотого века, они представляют просто полудикий народ, не связанный законами, бедный, несчастный, как действительные цыганы Бессарабии»¹⁵.

«Низменность» и «безнравственность» «Графа Нулина» были осуждены Николаем Надеждиным¹⁶ — что дало повод для дискуссии с участием самого Пушкина.

Бурную и долгую дискуссию вызвала «Полтава». Булгарин сперва отзывался на нее двусмысленной, хотя внешне лстливой рецензией, поставив ниже «Цыган» и «Бахчисарайского фонтана»¹⁷, затем опубликовал в «Сыне отечества» подробный разбор поэмы. Выводы его таковы: «Всякое лицо имеет свой характер, но только не такой, как нам представляет история, и, следовательно, исторические события разногласят с вымышленными характерами. Пружины слишком слабы для сильного действия, и оттого мы видим огромную машину — в бездействии. История побеждает вымысел, и оттого потеряна в нем занимательность»¹⁸.

Но критика Булгарина — ничто в сравнении со статьей Надеждина,

Руслан и Людмила

Поэма

Посвящение

*Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шепот старины болтливой,
Рукою верной я писал;
Примите ж вы мой труд игривый!
Ничьих не требуя похвал,
Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть, украдкой
На песни грешные мои.*

Песнь первая

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.

Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

В толпе могучих сыновей,
С друзьями, в гряднице высокой
Владимир-солнце пировал;
Меньшую дочь он выдавал
За князя храброго Руслана
И мед из тяжкого стакана
За их здоровье выпивал.
Не скоро ели предки наши,
Не скоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши
С кипящим пивом и вином.
Они веселье в сердце лили,
Шипела пена по краям,
Их важно чашники носили
И низко кланялись гостям.

Слилися речи в шум невнятный;
Жужжит гостей веселый круг;
Но вдруг раздался глас приятный
И звонких гуслей беглый звук;
Все смолкли, слушают Баяна:
И славит сладостный певец
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелем свитый им венец.

Но, страстью пылкой утомленный,
Не ест, не пьет Руслан влюбленный;
На друга милого глядит,
Вздыхает, сердится, горит
И, щипля ус от нетерпенья,

Считает каждые мгновенья.
В уныньи, с пасмурным челом,
За шумным, свадебным столом
Сидят три витязя молодые;
Безмолвны, за ковшом пустым,
Забыли кубки круговые,
И брашна неприятны им;
Не слышат вещего Баяна;
Потупили смущенный взгляд:
То три соперника Руслана;
В душе несчастные таят
Любви и ненависти яд.
Один — Рогдай, воитель смелый,
Мечом раздвинувший пределы
Богатых киевских полей;
Другой — Фарлаф, крикун надменный,
В пирах никем не побежденный,
Но воин скромный средь мечей;
Последний, полный страстной думы,
Младой хазарский хан Ратмир:
Все трое бледны и угрюмы,
И пир веселый им не в пир.

Вот кончен он; встают рядами,
Смешались шумными толпами,
И все глядят на молодых:
Невеста очи опустила,
Как будто сердцем приуныла,
И светел радостный жених.
Но тень объемлет всю природу,
Уж близко к полночи глухой;
Бояре, задремав от меду,
С поклоном убрались домой.
Жених в восторге, в упоенье:
Ласкает он в воображенье
Стыдливой девы красоту;
Но с тайным, грустным умилением

Великий князь благословеньем
Дарует юную чету.

И вот невесту молодую
Ведут на брачную постель;
Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигает Лель.
Свершились милые надежды,
Любви готовятся дары;
Падут ревнивые одежды
На цареградские ковры...
Вы слышите ль влюбленный шепот
И поцелуев сладкий звук
И прерывающийся ропот
Последней робости?.. Супруг
Восторги чувствует заране;
И вот они настали... Вдруг
Гром грянул, свет блеснул в тумане,
Лампада гаснет, дым бежит,
Кругом всё смерклось, всё дрожит,
И замерла душа в Руслане...
Всё смолкло. В грозной тишине
Раздался дважды голос странный,
И кто-то в дымной глубине
Взвился чернее мглы туманной...
И снова терем пуст и тих;
Встает испуганный жених,
С лица катится пот остывший;
Трепеща, хладною рукой
Он вопрошает мрак немой...
О горе: нет подружки милой!
Хватает воздух он пустой;
Людмилы нет во тьме густой,
Похищена безвестной силой.

Ах, если мученик любви
Страдает страстью безнадежно;

Содержание

Предисловие «Полки»	5
Руслан и Людмила	27
Кавказский пленник	113
Братья разбойники	139
Бахчисарайский фонтан	149
Цыганы	169
Сцена из Фауста	193
Граф Нулин	201
Полтава	215
Домик в Коломне	267
Медный всадник	281
Примечания	299
Источники иллюстраций	305